

¹ По-видимому, ответ на неизвестное письмо Огарева, узнавшего о смерти Лизы из телеграммы А.А.

² Лиза Герцен покончила жизнь самоубийством 14 декабря (см. ксерокопию рукописи Л. Риста "Al. Herzen et sa famille" (февраль 1973 г. – РГБ, ф. 69.26.72).

³ Речь идет о Ш. Летурно.

⁴ Тучкова-Огарева с Лизой приехали в начале декабря из Цюриха. О днях, предшествовавших трагической гибели Лизы, см. в письме Тучковой-Огаревой Нерине Финокетти (АО, 217–225).

С. ТХОРЖЕВСКОМУ

Публикация Л.И. М а т ю ш е н к о

Записка адресована доверенному лицу и многолетнему помощнику Герцена С. Тхоржевскому. Вероятно, она связана с изданием последнего эпистолярного цикла Герцена "К старому товарищу". Это произведение Александр Александрович предполагал издать в виде приложения к книге "С того берега" в своем французском переводе. Одновременно готовился "Сборник посмертных статей" Герцена, также включавший в себя "К старому товарищу". В обоих случаях на опубликование этого произведения Герцена необходимо было согласие Огарева. Вопрос этот долго обсуждался. Толчком к его разрешению, как известно, послужило возмущившее А.А. Герцена письмо С.Г. Нечаева от имени никогда не существовавшего Заграничного бюро общества "Народная расправа". Согласие на первое из вышеупомянутых изданий Огарев дал в письме к А.А. Герцену от 19 июня 1870 г. Тхоржевский был причастен к обоим изданиям (см.: АО, 81; Тучкова-Огарева, 260).

Печатается впервые по фотокопии РГБ с автографа ИСГ.

(Март или июнь 1870 г.)

Любезный Тхоржевский!

Только что получена записка от Огарева; он говорит, что совершенно согласен с моим предложением; итак, дело скоро пойдет¹.

Весь ваш

А. Герцен

¹ В июле 1870 г. вышла книга: А. Н е р з е н. De l'autre rive. Troisième édition (première édition française). Traduit du russe par Alexandre Herzen-fils. Genève, 1870. В начале октября появился том "Oeuvres posthumes d'Alexandre Herzen". Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена с портретом автора). Издание детей покойного. В типографии Чернецкого. 1870".

НИКОЛАЮ II

Публикация М. М е р в о^{51*}

В своем обращении к последнему русскому царю А.А. Герцен восторженно приветствует сделанное Николаем II в 1898 г. предложение о созыве международной конференции по поддержанию мира и сокращению вооружений. Эта инициатива встретила одобрение ряда нейтральных правительств, но наткнулась на сдержанное отношение со стороны Англии, Германии и Франции. Позднейший меморандум царя уточнил его намерения: он имел в виду приостановку роста вооружений, запрет на некоторые виды оружия и взрывчатых веществ, распространение на морские войны оговорок соглашения 1864 и 1874 гг., а также предотвращение международных дипломатических конфликтов.

Эти инициативы, как известно, привели в мае–июле 1899 г. к созыву Международной Гаагской конференции, в которой приняло участие 26 государств.

Сравнивая мирную инициативу Николая II с освобождением крепостных в 1861 г. Александром II, А.А. Герцен ссылается на позицию своего отца в отношении этой реформы, наглядно свидетельствуя тем самым о некоторой наивности своей общественно-политической концепции, сложившейся под влиянием так называемых "либеральных иллюзий". Как и опа-

^{51*} С французского перевел Л.Р. Л а н с к и й.

сался в свое время Герцен, сын его превратился в “почтенного швейцарского профессора”, так и не понявшего, что “благородная и великодушная” инициатива царя имеет весьма ограниченный характер; он упустил из виду и отрицательные аспекты внутренней политики молодого русского самодержца. И как мог он забыть, что Николай II, несколькими годами ранее, при восшествии на престол, ошеломил либеральное общественное мнение своим заявлением, что намерен “охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно”, как его “незабвенный покойный родитель” Александр III.

Публикуется по рукописной копии *IISG*; оригинал был отправлен “августейшему адресату” через русское посольство в Берне.

Перевод с французского:

(Лозанна. 30 августа 1898 г.)

Ваше величество,

Когда депеши, сообщавшие об освобождении крепостных, достигли Лондона, я увидел на глазах моего отца слезы радости и благодарности. Позвольте же сегодня его сыну выразить Вашему величеству со столь же живым волнением свое глубокое восхищение благородной и великодушной инициативой, которую Вы ныне проявили.

Александр Герцен

Лозаннский университет

30 августа 1898 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НАСЛЕДСТВЕ ГЕРЦЕНА

Публикация и перевод с французского Л.И. М а т ю ш е н к о

В публикуемой ниже “Объяснительной записке” (“*Mémoire explicatif*”) А.А. Герцена идет речь об имущественных взаимоотношениях детей Герцена после его смерти и позднее, после самоубийства его младшей дочери Лизы, когда в семье возникла конфликтная ситуация. Поведение А.А. Герцена в этой коллизии и высказанные им взгляды на воспитание и образование своих детей полностью соответствовали нравственным заветам отца. “Записка” позволяет также видеть, какую долю в обеспечении семьи составлял собственный труд А.А. Герцена.

Автограф документа хранится в Женевской публичной и университетской библиотеке. В отличие от большинства других материалов, полученных редакцией “Литературного наследства”, этот документ не был опубликован в женевском сборнике 1973 г. “*Autour d’Alexandre Herzen*”.

“Записка” написана рукой А.А. Герцена и занимает семь страниц. Конец последней страницы читается с трудом. Возможно, что “Записка” завершена не была. На полях ее пометы карандашом, по-видимому, сделанные сыном автора, лозаннским профессором Николаем Александровичем Герценом.

Вместе с фотокопией с подлинника редакция “Литературного наследства” получила снимок с машинописной копии под заглавием “*Mémoire écrit de la main de papa en 1897 ou 98*” (“Записка, написанная рукой папы в 1897 или 98 г.”). Она также, по-видимому, сделана Н.А. Герценом. Известно, что именно он, юрист по образованию, единственный из сыновей А.А. Герцена живший в Лозанне, ведал архивом отца.

Документ печатается по фотокопии с чернового автографа *BPUG*.

Перевод с французского:

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1. В соответствии с завещанием своего отца¹, я имел право оставить за собой дом², унаследовав таким образом почти вдвое больше того, чем мои сестры Наталья и Ольга, и предоставить матери Лизы³, происходящей из достаточно состоятельной семьи, самой выходить из затруднений в отношении себя и своей дочери. — Не сделал я этого по следующим соображениям:

а) Мне казалось несправедливым получить *вдвое больше* того, что причиталось бы моим сестрам.

б) Natalie сказала мне, что в последние годы отец мой не раз выражал надежду, что после его смерти дети *разделят* его наследство *поровну*⁴.

в) Я считал особенно необходимым неопровержимо доказать Лизе (и ее матери), что, несмотря на ее неясное юридическое положение по отношению к нам, мы безусловно считаем ее нашей сестрой, равноправной с нами⁵.

г) Я хотел, *чтобы мои сестры сделали для Лизы* то же, что и я; вот почему я не отделил непосредственно Лизе половину моего наследства (что было бы тем же самым с финансовой точки зрения), но сделал это *косвенно* (на 2/3) через своих сестер.

д) У меня не было недостатка в советах нескольких друзей, пытавшихся отговорить меня от этого плана, который считали неблагоприятным; они советовали мне установить для Лизы вполне достаточную пожизненную пенсию – равную той, которую имел бы сам и той, которую имели бы мои сестры, но не отказываться от права собственности на дом. Я не захотел их слушать по вышеизложенным мотивам, и наследство моего отца было разделено на три равные части: каждый из нас троих отделил затем *четверть* своей трети для Лизы, и состояние было разделено на 4 равные части.

2. Со смертью Лизы⁶ положение коренным образом изменилось:

а) Отчасти из-за моей неспособности вести дела, отчасти из-за покупки виллы, которую друзья, почитаемые мной компетентными, уговорили меня сделать на крайне губительных условиях, – я потерял крупную сумму, и мои доходы чувствительно уменьшились⁷.

б) Моя семья быстро разрослась, я имел уже 8 детей; необходимые для семьи расходы росли быстро и существенно; доходов нехватало более.

в) Злосчастная покупка виллы пригвоздила меня к месту и мешала мне искать кафедру, ведь кафедры физиологии вовсе не валяются на дороге⁸; я не мог и думать об этом прежде, чем продам виллу, что обернулось новым бедствием: купив (виллу) в момент громадного вздорожания земель, я должен был продать ее в момент наибольшего падения цен.

г) Результат равного раздела, каким он был в момент смерти моего отца и какого я сам хотел в целях равенства и справедливости, привел, таким образом, к ужасающему неравенству в отношении меня.

Только возвращение мне всей той части отцовского наследства, которую я уступил, могло бы в тот момент спасти меня от полного разорения, поскольку я имел бы тогда доходы, достаточные для того, чтобы не трогать и не истратить мало-помалу оставленный мне капитал. Мне казалось, что пришло время моим сестрам отплатить мне тем же, сделать для меня то, что я сделал для них. короче говоря, вернуть мне состояние Лизы, которое образовалось за мой счет. Сама Лиза и ее мать были того же мнения; действительно, была найдена следующая записка Лизы:

“Я не имею права голоса в этом вопросе, но, тем не менее, хочу сказать, что я думаю относительно денежных дел. Ольга и Тата ни в чем не нуждаются; мне кажется поэтому, что маме следовало бы устроить себе достаточную пожизненную пенсию, а Александр получил бы часть дохода и капитал – впрочем, это не мое дело. Л.Г.”⁹.

Спустя несколько дней мать (Лизы) написала мне: “Предвосхищая точку зрения Лизы, я написала соответственно Вырубову, чтобы то, что мы с ней имели, принадлежало тебе и твоим детям. Позднее мы нашли письмо Лизы, которое подтверждает все это. Прими этот печальный подарок – мы имели право его сделать – и извини меня еще раз за то, что я так часто несправедливо судила о тебе. Н.Г., урожденная Т.”.

Я ни на мгновение не сомневался, учитывая свое положение и положение своих сестер, как и явную волю Лизы и ее матери, что мои сестры просто вернут мне все наследство Лизы, т.е. то, что я уступил из наследства моего отца в их пользу и, главным образом, в пользу Лизы. Поэтому одним из самых больших огорчений в моей

жизни было то, когда я узнал, что они, напротив, настаивали на получении каждая своей доли, 1/3, и хотели мне отдать лишь одну треть этого наследства, т.е. сумму, совершенно недостаточную, чтобы позволить мне не брать каждый год из все уменьшающегося капитала, который у меня оставался.

Некоторые друзья советовали мне стоять на своем, предъявить “завещание” Лизы; Вырубов, в особенности, писал мне много писем в этом духе; моя сестра Наташа сама была в глубине души того же мнения, но, пользуясь советами друга, для которого во всем свете ничего не существовало, кроме ее интересов¹⁰, она также захотела иметь свою часть наследства Лизы. Для меня была лишь такая альтернатива: суд или отказ. Я отказался.

Должен подчеркнуть здесь, что если этот отказ не привел меня к полному разорению, если я смог, несмотря на огромные расходы, которые неизбежны в такой семье, как моя, совсем не делать долгов, расходовать лишь мой движимый капитал и сохранить мою часть (треть) дома, оставленного мне отцом, от которой я отказался по смерти моего отца, то это благодаря непрерывной и существенной помощи, которую мне всегда оказывала моя сестра Наташа, чувствуя, с одной стороны, что наследство Лизы должно было бы быть мне возвращено (особенно в виду пожелания, выраженного Лизой и ее матерью) и видя, с другой стороны, что я совершенно не мог бы выйти из этого положения (воспитать сносно моих детей) с теми средствами, которые у меня оставались, она каждый год мне отдавала свою долю дохода от этого состояния, точно соответствующую *трети* чистого дохода (плата за наем) от дома^{52*}.

Таким образом, благодаря ей я пользовался до конца двумя третями чистого дохода от дома, о котором идет речь.

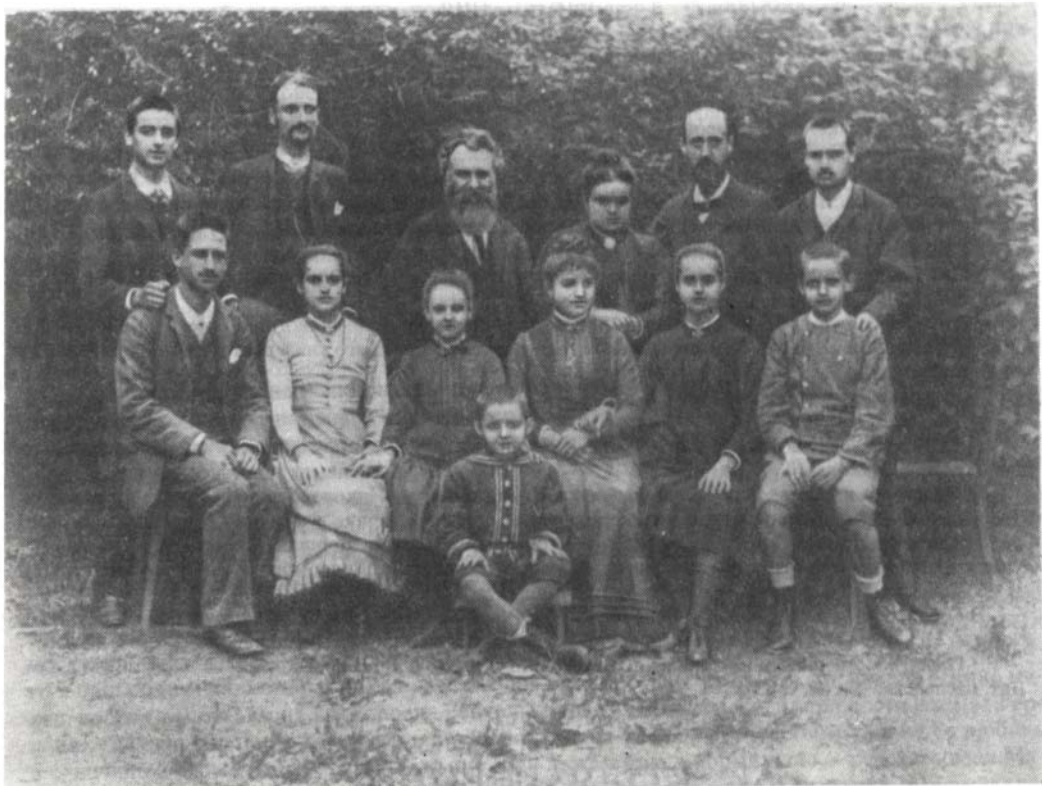
Третья часть дома находится вследствие предшествующих перемещений в руках моей сестры Ольги или ее мужа, моего зятя Габриеля Моно.

3. Благодаря этой помощи моей сестры Наташи и 2000 фр. в год, которые я, в качестве “преподавателя физиологии”, стал получать после отъезда Шиффа в Женеву¹¹, благодаря, позднее, 4000 фр. оклада, которые я получаю в Лозанне и благодаря также и в особенности чудесной экономии, энергии и самоотверженности моей дорогой, дорогой жены, я смог в течение первых лет в Лозанне взять лишь самую малость из моего маленького капитала. Но нужды семьи все возрастали и стали огромными, когда пришлось платить за университетское обучение моих шести сыновей (Александр был в Валломброзе). Я имел тогда регулярно каждый год от двух до трех тысяч фр. дефицита, который я мог восполнить не иначе, как взяв их из капитала, исчезновение которого, по истечении большего или меньшего срока, я предвидел.

Несколько раз я говорил об этом моим сыновьям, и я спрашивал их, что они предпочли бы: получить после моей смерти некоторое наследство, которое едва ли и стоило труда получать, отказаться от занятий и овладеть какой-нибудь профессией, которая позволила бы им зарабатывать себе на жизнь, – или же продолжить и завершить их ученье, приобрести таким образом совершенно неотъемлемый капитал знаний, иметь “свободную”, доходную профессию, но тогда отказаться от наследства, которое не существовало бы больше, поскольку я вынужден буду истратить для них весь движимый капитал и поскольку дохода с моей части дома было бы едва достаточно, чтобы очень скромно обеспечить их мать и сестер. Все они предпочли эту последнюю альтернативу, и они правильно поступили, я их очень одобряю¹². Когда меня уже не будет, все они вспомянут, я надеюсь, что, по существу, действуя таким образом, они отказались в пользу своей матери и своих сестер от той части моего наследства, которая могла бы им принадлежать.

Наше финансовое положение, полагаю, во многом объяснялось, быть может, злополучным решением Петра и Николая отправиться искать счастья на Пеко и в легкости, с которой я уступил их желанию, чистейшее безумие которого я никогда себе не простил¹³. Это безрассудное предприятие поглотило за несколько месяцев около

^{52*} Далее три строки в автографе тщательно вычеркнуты. – Ред.

А.А. ГЕРЦЕН В КРУГУ СЕМЬИ

Стоят (слева направо): П.А. Герцен (?), А.А. Герцен (Тутс), М. Шифф, Терезина Герцен, А.А. Герцен, Нерина А. Герцен (?). Фотография, конец 1880-х годов
Музей Герцена, Москва

30 тыс. фр. – почти все, что у меня оставалось от недвижимого капитала, – за исключением 4-х или 5 тысяч фр., которые не стоило больше и хранить и которые помогли мне восполнить пресловутый ежегодный дефицит.

Итак, к этому моменту я оставался всего-навсего с моей третью парижского дома; я совершенно не знал, что делать, чтобы оплатить расходы на самое необходимое по хозяйству и занятия моих сыновей, и, конечно, я вынужден был бы влезть в долги или же заложить свою треть дома, если бы счастливый случай не позволил мне выплыть на поверхность и обойти этот камень преткновения: контракт, заключенный с издателем Павленковым¹⁴. Он приобретал права и исключительные привилегии на издание в России произведений моего отца (за сумму 12 тысяч рублей, уплачиваемых в течение 6 лет, с ежегодным поступлением по 2 тысяч рублей (5000 фр.), из которых на мою долю приходится одна треть, т.е. приблизительно 1800 фр. ежегодно. Эти 6 лет истекут к концу 1899 г. – т.е. как раз к тому времени, когда Гуго начнет свою самостоятельную жизнь, встанет на ноги, когда Ольга завершит свои занятия в Стокгольме и когда Эдуард закончит свои занятия в школе усовершенствования в Льеже. Все мои сыновья станут тогда независимыми, и я смогу, наконец, если буду еще жив, вздохнуть свободнее. А если мне не суждено, быть может, к этому времени находиться в живых, то моя жена и мои дочери смогут жить в скромном достатке, несмотря на исчезновение моей трети, но я совершенно уверен, я знаю, что мой дом им даст 4 тыс. фр. (...)»^{53*}

^{53*} Текст в фотокопии плохо читается, и последние несколько слов остаются непрочитанными. – Л.М.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Завещательный акт, составленный Герценом 1 августа 1852 г. в Фрибурге (см. XXIV, 384–389).
- ² Дом в Париже на улице Amsterdam, № 14 (гостиница Hôtel de Navre), полученный Герценом в наследство от матери. В 1851 г. он стоил 135 000 фр. и приносил доход 7 000 фр. ежегодно (см. XXIV, 383).
- ³ Т.е. Н.А. Тучковой-Огаревой.
- ⁴ О желании Герцена, чтобы его наследство разделено было поровну между всеми детьми, см. в XXVII, 524 и XXIV, 130.
- ⁵ Равноправность Лизы в наследственных делах Герцен подчеркивал неоднократно. Так, 26 декабря 1867 г. он писал сыну: “Если б я умер – Лизе выделить четвертую часть” (XXIX, 249) и др.
- ⁶ Лиза покончила с собой 21 декабря 1875 г.
- ⁷ Сам Герцен сомневался в выгоды покупки сыном дачи возле Флоренции (см. XXVII, 204; XXIX, 93–94, 204).
- ⁸ А.А. Герцен уехал из Флоренции в 1881 г., получив кафедру физиологии в Высшей медицинской школе в Лозанне, а с 1891 г. – на медицинском факультете Лозаннского университета, где он работал до конца жизни.
- ⁹ Ср. предсмертное письмо Лизы, с. 553.
- ¹⁰ Речь идет о Г. Шиффе.
- ¹¹ М. Шифф уехал в Женеву в 1876 г. А.А. Герцен возглавил кафедру физиологии в Институте высших наук при Спеколе в 1877 г.
- ¹² Владимир и Петр стали врачами, Алексей – инженером, Николай – профессором-правоведом, Гуго – горным инженером, Эдуард – профессором-химиком (см. хранящуюся в РГБ рукопись: Léonard R i s t. Alexandre Herzen et sa famille, февраль 1973 г.). К тому времени старший (Александр, Тутс) уже получил образование в престижном итальянском Лесном институте (г. Валломброза, Аппенинские горы) и стал специалистом по охране вод и лесов.
- ¹³ См. об этом в книге А.А. Герцена-внука: “Le Pécos, ou Quatre mois de séjour à Vaud près Eddy, N.M. (Nouveau Mexique) par A. H e r z e n - f i l s, sous-inspecteur des eaux et forêts”. Lausanne, 1892.
- ¹⁴ Право собственности на издания Герцена было куплено Ф.Ф. Павленковым, начиная с 1894 г. (см. “Лит. наследство”, т. 62, с. 831).

КОЛЯ ГЕРЦЕН

ПИСЬМО К М.К. РЕЙХЕЛЬ (ЭРН)

Публикация Л.Р. Ланского

13 июня 1839 г., перед появлением на свет своего первенца, Герцен внес в дневник запись, обращенную к новорожденному:

“Тебя, существо неродившееся, тебя, в котором слились два бытия, Александр и Наталия, благословляю тебя, благословляю! Иди е жизнь, иди на службу человечеству, я тебя обрек на трудный путь, иди, благословляю тебя. – Может, погибнешь, но принесешь чистую душу. – Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а богом для человечества.

Ее жизнью, твоей жизнью клянусь и присягаю.

Боже, сохрани же их!” (I, 333–334).

Не только старшего сына, но и остальных своих детей Герцен страстно желал видеть в рядах деятельных и убежденных борцов за свободу всего поработанного человечества, и сделал все, чтобы воспитать из них передовых, высоконравственных и высокообразованных людей.

После появления на свет первого сына – Александра – супругам Герценам выпало мучительное и затяжное испытание: в течение трех лет у них один за другим умирали новорожденные дети. Вот почему с особенно обостренной тревогой ожидали они в конце 1843 г. нового ребенка. Когда же знаменитый московский врач А.А. Альфонский объявил о рождении совершенно здорового мальчика, Герцен отметил в своем дневнике: “Еще не смею, боюсь надеяться...” (II, 323).

Перелом Герцена этого времени пестрит шутивными упоминаниями о сыне, названном в честь его ближайшего друга – Огарева – Николаем. “С мальчиком я как-то еще не очень знаком, и он со мною, – писал Герцен, – впрочем, у него начинают разворачиваться таланты очень рано – хихаёт и протягивает руки...” (XXII, 168). Отцу вторят окружающие: “Славный мальчик...”, “здоровый и прехорошенький собой” ... “В Николеньке есть что-то женское, – записывает Герцен в дневнике, – что за бесконечная кротость в его детских чертах, что за мило-доброе и вечно смеющееся лицо” (II, 396; ср. XXII, 210).